

ПОЭТИКА

Б.Ф. Егоров¹

Санкт-Петербургский Институт истории РАН

ПУШКИН И ЧИЧИБАБИН КАК ЭРОТИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ

В статье рассматривается феномен эротической поэзии в диалоге К.Н. Батюшков – А.С. Пушкин – Б. Чичибабин. Анализ стихотворения Б. Чичибабина демонстрирует художественную гениальность поэта XX века – рождение одухотворенной телесности, пронизанной глубокой душевностью.

Ключевые слова: К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Б. Чичибабин, эротическая поэзия, телесность, синестезия, драматическая структура, кинематографичность, духовность, душевность

B.F. Egorov

St. Petersburg Institute of history, RAS

PUSHKIN AND CHICHIBABIN AS EROTIC POETS

The article deals with the phenomenon of erotic poetry in the dialogue between K. N. Batyushkov – A. S. Pushkin – B. Chichibabin. The analysis of B. Chichibabin's poem shows the artistic genius of the XXth century poet, that is the birth of spiritual corporality permeated by deep affection.

Keywords: K.N. Batyushkov, A.S. Pushkin, B. Chichibabin, erotic poetry, corporality, synaesthesia, dramatic structure, cinematic properties, spirituality, affection.

В юные годы Пушкин отдал дань стихотворной эротике и, явно не предполагая эти произведения печатать, свободно и «неприлично» расковывался в интимных описаниях. Но стихотворение

¹ Борис Федорович Егоров, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник-консультант (Санкт-Петербургский Институт истории РАН)

зрелых лет «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...», хотя и осталось в архиве поэта ненапечатанным (впервые опубликовано: «Библиографические записки», 1858, № 7. Стлб. 203), создавалось очень деликатно и теоретически могло появиться в свет при жизни автора. Пушкин был гениален в разных аспектах творчества – и вот создал для обнаружения, казалось бы, совершенно непечатные вещи... Считаю, что поэт смог представить миру самое значительное эротическое стихотворение XIX века.

Ему уже были посвящены научные исследования. Л.В. Татару детально анализировала текст с лингвистической точки зрения [Татару, 2011], Н.М. Ботвинник – с точки зрения компаративиста [Ботвинник, 1976] рассмотрела пушкинский текст как противовес аналогичному произведению К.Н. Батюшкова и даже – собственному раннему стихотворению о Лаисе (1819). Несколько строк данному стихотворению посвятил А.С. Кушнер в статье «Два Пушкина», где прежде всего обратил внимание на табуированность темы: «В этих стихах рассказано такое, о чем не говорят». Далее Кушнер отметил новаторство поэта и невозможность подобных описаний в прозе: «И оживляешься потом все боле, боле...» – этот стих своей интонацией воспроизводит то, что в прозе, конечно, выглядело бы чудовищно...» [Кушнер, 1976]. С последним суждением можно и поспорить: талантливый прозаик может так же виртуозно представить нам «запретный плод» (см. хотя бы «Лолиту» В. Набокова).

Да, пушкинское стихотворение – заметный спор-ответ на переводную эпиграмму Батюшкова (из наследия поэта VI века Павла Сиденциария), опубликованную в брошюре, изданной Д.В. Дашковым, «О греческой антологии» (1820). Греческий автор и Батюшков воспевают немолодую возлюбленную, полную пламенных чувств, и противопоставляют ее неопытной молодке, стыдливой красавице с холодными поцелуями. А Пушкин, наоборот, предпочитает стыдливую и якобы холодную смиренницу страстной, иступленной вакханке. Вакханку поэт видит молодой, а не «осенней» подругой, смиренница же у него лишена указаний на возраст, но, думается, ей еще далеко до осени.

Очень хочется предположить, что Пушкин подразумевал свою молодую жену. Любопытно, что Давид Самойлов, серьезно

интересовавшийся этим стихотворением, был убежден в этом: «Это уже поздний период, когда он женился на Наталии Николаевне» [Перельгин, 2015, с. 35]. Но в некоторых списках (ведь подлинник стихотворения не известен) указана точная дата – 19 января 1830 года, так что поэт мог тогда лишь мечтать о семейной жизни...

Главное же отличие пушкинского стихотворения от оспариваемого предшественника таково: поэт противопоставляет однообразному состоянию вакхического восторга явную сюжетную протяженность. Драматург в художественном творчестве, Пушкин и в своем как бы поэтическом отображении жизненной ситуации представляет нам драматическую структуру: от завязки – через развитие действия и кульминацию – к финалу.

Интересно сравнить рассмотренный текст со стихотворением Б. Чичибабина «Мне с тобой никогда...» (начало 1960-х гг.), по моим представлениям, – самым выдающимся эротическим стихотворением XX века (следует заметить, что его смелые описания было бы невозможно опубликовать в XIX веке, да и в XX это было бы непросто; при жизни Чичибабина оно не было напечатано). По объему оно значительно больше пушкинского – в нем 64 строки (у Пушкина – 14), это фактически сюжетный рассказ, да еще и с прологом (первые 16 строк) и эпилогом (последние 12). Пушкинскому относительно спокойному и обширному Александрийскому стиху (6-стопный ямб и рифмующиеся двестишья) у Чичибабина противопоставлено чередование двустопных и трехстопных анапестов (с редкими исключениями), что создает динамический напор, не ослабеваемый даже, если при произнесении сливать нечетную и четную строки в одну большую пятистопную (возникает ассоциация с пастернаковской поэмой «Девятьсот пятый год», где разделение и слияние строк двухстопного и трехстопного анапестов организует мощный ритмический поток).

Но наиболее продуктивно сравнение поэтов в плане содержания. Оба стихотворения посвящены объятиям любящих, поэтому естественны ожидания в них как телесности, так и душевной влюбленности. У Пушкина главное место занято телесностью, которая, однако, изображается не плотью тел, а движениями и нервно-психическим антуражем. Глубокой духовности здесь вообще нет, а сердечная душевность, косвенно описываемая во второй части стихотворения, отдана лишь ему, любовнику.

У Чичибабина телесность выражена значительно более подробно и материально. На протяжении всего текста названы различные части женского тела: губы, ноги, лицо, рот, щеки, бедра, кудряшки, голова, колени (самая любимая часть женского тела у поэта!), горло. Телесность здесь весомо занимает первое место. И все стихотворение представляет собой серию зрительных образов, почти фотографически изображающих материальные картины свидания. Нет, часто даже кинематографически: ведь изображаются динамические, поведенческие отрезки времени.

Отметим еще обширное включение материальных пяти органов чувств. Чичибабин вообще был склонен к синэстезийному слиянию: в стихотворении «Приготовление борща», созданном тоже в 60-х гг., великолепно участвуют все пять органов чувств. В рассматриваемом тексте очень ярко выражены четыре, а пятое, гастрономический вкус, представлено метафорически: «сладкое имя», «сладкая истома».

Еще одно важное замечание. Чичибабин на протяжении всей жизни может быть назван *природником*, поэтом, чрезвычайно интенсивно включавшим природу в свое творчество. И в данном стихотворении уже в первой строке любимая помогает герою справиться с безбожной зимой, а потом ее белые ноги сравниваются с лесными цветами.

Но и о духовности-душевности есть что сказать. Бог появляется косвенно, первый раз – в «безбожной зиме» (неясно, что это такое: скорее всего, это означает «очень плохая»), второй – возлюбленная названа «богиней погони», т.е. царицей страстных объятий. А кроме того она оказывается женственнее Венеры (и всех красавиц мира!).

Значительно больше участвует в действии Дьявол. Любовнику, видимо, предстоят адские муки, и он готов из преисподней пешком придти к любимой (почему-то соединяя себя с Пушкиным). Сплошной пожар на протяжении почти всего рассказа («пламенем плоти», «горящих кудряшках», «на горле горят», «пронзенные молнией», «огнем обрастающий образ») тоже вызывает адские ассоциации (вспомним, что и у Пушкина присутствует

пламень!). А в звучании *Чар-чер* в строке «У кого свои чары ты черпала?» ведь мерещится *чорт*.

Но общая тональность стихотворения совсем не дьявольская, она хотя и переходит изо дня в ночь (мои ночи, для ночи), но *светлая*: светлое личико. И обильно насыщено стихотворение весельем, любимым состоянием поэта на протяжении всей его жизни: веселым лицом, смеющийся рот, веселым пушком. И получается, что в адски пламенных страстях происходит светлое, веселое, доброе единение двух любящих натур.

Забавно, что зеркало использовано не в обычном мистическом и негативном плане, а как помощник желаемого повтора («О еще б раз!»), как дубликат «красоты наших ласк». Красота, эстетика объятий – это уже переход от телесности к душевности.

А на следующем этапе жизненного пути, с конца 60-х гг., Чичибабин совершит настоящую революцию, он серьезно углубит душевность и духовность любовной лирики, и его возлюбленная «Лиличка-реченька» будет представлена «с душой Христа и телом Афродиты».

Приложение

К.Н. Батюшков

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?

Ты в красоте не изменилась

И для любви моей

От времени еще прелестнее явилась.

Твой друг не дорожит неопытной красой,

Незрелой в таинствах любовного искусства.

Без жизни взор ее стыдливый и немой,

И робкий поцалуй без чувства.

Но ты, владычица любви,

Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;

И в осень дней твоих не погасает пламень,

Текущий с жизнью в крови.

[Батюшков, 1964, с. 231-232]

А.С. Пушкин

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,

Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняся на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле!
[Пушкин, 1957, с. 390]

Б.А. Чичибабин

Мне с тобой никогда
не знать ни беды, ни печали.
С бубенцом твоих губ
я безбожной зимы избежал.
Как из лесу цветы,
твои белые ноги свисали
и с веселым лицом
ты лилась в мои ночи, свежа.
Перед милой тобой
все красавицы мира – неряшки.
Если был бы я Пушкин,
из ада пришел бы пешком.
У тебя от желанья
по телу проходят мурашки
и смеющийся рот
золотится веселым пушком.
Хорошо нам с людьми.
Но бывает, что нет моей мочи.
Среди белого дня

запираюсь с тобой, как сектант.
Ты снимаешь часы.
Твое сладкое имя – для ночи.
Мне его до конца
в твои жаркие щеки шептать.
Я беру твои бедра.
Венера сникает тряпичницей.
Ты черемухой пахнешь,
с тобою тягаться не ей.
Ты трепещешь и стонешь.
Ты вся в лихорадке тропической.
Ты – богиня погони.
Ты – женщина жизни моей.
Мы знакомую комнату
пламенем плоти колеблем,
и в горящих кудряшках
клубится твоя голова.
Мои губы бегут
по твоим колыхливым коленям,
и на горле горят,
и бесстыжие шепчут слова.
Кто тебя научил?
У кого свои чары ты черпала?
Заслони наготой
от грядущих смертей и неволь.
Красоту наших ласк
повторяет лукавое зеркало.
С любопытством шальным
мы, хмелея, косимся в него.
И пронзенные молнией,
полные сладкой истомой,
друг у друга в руках
отдыхаем, слабы и тихи.
Но уже к нам стучат.
Появляется кто-то бездомный,
ставит водку на стол
и читает плохие стихи.

О спасибо тебе
за твоё торжество! О ещё б раз!
О безумная щедрость,
что целого мира милей.
В каждом взоре моем –
твой огнем обрастающий образ,
твое светлое личико, –
женщина жизни моей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюшков, К.Н. «Тебе ль оплакивать утрату юных дней?..» / К.Н. Батюшков // Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1964. – 353 с. – (Б-ка поэта. Большая сер. – 2-е изд.).

Ботвинник, Н.М. О стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» / Н.М. Ботвинник // Временник Пушкинской комиссии. 1976. – Ленинград, 1979. – С. 147-156:

Кушнер, А.С. Два Пушкина / А.С. Кушнер // Вопросы литературы. – 1976. – № 6. – С. 130-131.

Перельгин, В. Мой дневник / В. Перельгин // Вышгород. – Таллинн. – 2015. – № 4.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3 / А.С. Пушкин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – 558 с.

Татару, Л.В. Нарративный анализ лирической поэзии (стихотворение А.С. Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением») / Л.В. Татару // Новый филологический вестник. – 2011. – № 4. – С. 102-118.